

«ОГАРКИ»: МИФЫ И РЕАЛИИ ГИМНАЗИЧЕСКОЙ СРЕДЫ 1907–1908 годов

Изучение ценностных ориентиров учащейся молодежи после революционных событий 1905–1907 гг. является неперенным условием выявления динамики социального поведения этой части российского общества в начале XX в., анализа позиций интеллигенции во время перипетий 1917 г. и Гражданской войны. Положение студенчества уже получило полновесное монографическое освещение¹. Что же касается гимназистов, то здесь наблюдается постепенное смещение исследовательского интереса от историко-революционных тем в сторону аксиологии, истории повседневности, быта, проблем межличностных отношений, профессионального выбора и читательских предпочтений учащегося юношества; успешно исследуется специфика различных регионов². В последние 20 лет историки все чаще обращались к профильным (в том числе, педагогическим) публикациям 1906–1914 гг., мемуарам, дневникам, письмам. Однако не критическое их восприятие зачастую приводит к повторению многих стереотипов столетней давности. Так, со страниц газет и журналов начала XX в. переносятся обличительные сентенции о том, что молодежь эгоистична, лишена патриотических чувств и склонна к атеизму, ей чужды высокие общественные цели, ее привлекают лишь низменные удовольствия и т.д. Редкое научное исследование, а равно публицистическое или литературное произведение, посвященное российскому обществу 1907–1914 гг., обходится без упоминания об учащихся-«огарках», участниках тайных обществ аморального характера. Причем сведения о них излагаются как нечто известное и само собой разумеющееся. Между тем еще в 2000–2002 гг. нидерландский славист О. Буле отметил, что информация об «огарках» и «лигах свободной любви», циркулировавшая в обществе после 1905 г. и требующая всестороннего изучения, является мифической³. Тем не менее в 1907 г. она служила «раздражителем» общественного мнения и наводила на размышления о будущем России и потенциале ее молодого поколения. Став символом падения нравов, «огарки» как бы вобрали в себя все приписываемые юношеству пороки революционной эпохи.

Пережив события 1905–1907 гг. русское общество, по словам С.Н. Булгакова, «истощенное предыдущим напряжением и неудачами», переживало духовный кризис, наступивший «после кризиса политического», оно находилось «в каком-то оцепенении, апатии, духовном разброде, унынии»⁴. Современники констатировали преобладавшее в интеллигентской среде разочарование в практике и результатах «освободительного движения», указывали на распространение «упаднических» настроений и пьянства среди учащейся молодежи. Поведение гимназистов также напрямую связывалось с последствиями увлечения «радикальными теориями» и участия в «школьной смуте». При этом, если социальная активность студентов, имевшая полувековую историю, воспринималась обществом как обычное явление, то забастовки и демонстрации в средних учебных заведениях, деятельность нелегальных ученических кружков и союзов шокировали своей непривычностью.

На рубеже XIX–XX вв. учебная администрация и органы полицейского надзора зафиксировали в гимназиях разного рода ученические объединения (кружки, общества, союзы, организации)⁵, что согласно «Правилам для учеников» категорически запрещалось и строго преследовалось. И хотя стремление к общению со сверстниками и товарищами по учебе было естественно, появление множества запрещенных ученических организаций воспринималось обществом как одно из свидетельств кризиса казенной школы. Он выражался, в частности, в неудовлетворенности воспитанников старших

* Ватник Нисон Семенович, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломна).

классов (15–20 лет) воспитательным режимом и содержанием преподавания, в интересе к отсутствовавшим в учебных программах сведениям по литературе, истории, естествознанию, философии, социологии, а также к текущей общественно-политической жизни. Возникавшие на этой почве кружки самообразования со временем могли перейти к обсуждению вопросов школьного строя и просвещения, решение которых они увязывали с реформированием общественных отношений в целом. Часть из них тяготела к политике и устанавливала контакты с местными комитетами революционных партий.

Это привело к формированию у части городских обывателей представлений о средних учебных заведениях как об источнике «крамолы», а об их воспитанниках как о потенциальных революционерах⁶. И все же в обществе господствовало мнение о школе как о «храме науки», где должно происходить не только обучение, но и воспитание молодого поколения. Поэтому широкий резонанс вызвало появление в 1907 г. газетных заметок о существовании ученических кружков аморальной направленности, в которых гимназисты, гимназистки, реалисты, семинаристы предаются пьянству и разврату. Сами названия этих кружков уже были скандальны («Огарки», «Лига свободной любви» и др.). Вскоре тема нравственного состояния молодежи стала предметом обсуждения прессы, в том числе и педагогической⁷.

Первые сведения о существовании среди учащихся «фракции кутежа и разврата» появились в марте 1907 г. в газетах «Орловская речь» и «Орловский вестник». К этому времени падение дисциплины учащихся средних учебных заведений уже не было новостью и отмечалось школьными педагогами, и чиновниками Министерства народного просвещения. Кн. П.В. Чегодаев-Татарский, член Совета министра народного просвещения, ревизовавший в ноябре 1906 г. гимназии и реальные училища Тулы и Смоленска, подчеркивал в отчете, что «разнузданность учащихся вне всяких пределов», и это обстоятельство констатируют и родители учеников, и губернские власти. Смоленск, по его словам, «имеет вид города, взятого в плен и покоренного учащимися». По дороге в гимназию князь «едва не был сброшен ими с тротуара, хотя уступал им дорогу – ютился на самом его краю»⁸. Схожие впечатления вынес и инспектор Московского учебного округа В.Н. Смольянинов, проверявший Калужские учебные заведения⁹.

Почему же пришедшая из Орла краткая газетная информация обрела знаковый характер, а «название» местного ученического «сообщества» стало столь известным? Орловские газеты постоянно освещали положение в средних учебных заведениях губернского города. Весной 1907 г. в «Орловской речи» было напечатано несколько критических заметок, обвинявших правительство(!), учебное начальство и родительские комитеты в распущенности молодежи: «Пропаганда в 1-й мужской гимназии» (№ 64), «К пропаганде в 1-й мужской гимназии» (№ 66), «Деятельность родительских комитетов» (№ 65, 69), «Политика в семье и школе» (№ 67), «Революционный характер наших родительских комитетов» (№ 68)¹⁰. Какого-либо отклика ни в Орле, ни за его пределами они не имели, хотя и были неприятны для школьной администрации, ожидавшей от управляющего Московским учебным округом предписания представить разъяснения по данным эпизодам. Сенсационной же стала заметка в № 70 под броским названием «Огарки, или общество пива и воли». В ней, со ссылкой на городские толки, сообщалось о существовании тайного общества, участники которого называют себя «огарками». В его состав якобы входили ученики и ученицы орловских гимназий, а на собраниях бывали даже «офицеры местных войск»: участники сборищ «пьянством умерщвляли дух, а затем занимались возрождением плоти»¹¹.

Следует учесть, что «Орловская речь» издавалась местной монархической организацией «Союз законности и порядка» и выступала против любых проявлений либерализма в школьном деле, критикуя, в частности, открытые в учебных заведениях с 1906 г. родительские комитеты. Поэтому появление скандальной заметки вряд ли было случайным, особенно если учесть, что при редакции существовал «литературный комитет», куда входили такие правые политики «губернского масштаба», как Я.А. Померанцев (председатель местного комитета «Союза русского народа» и руководитель «Союза законности и порядка»), С.А. Володимиров (орловский уездный дворянский

предводитель, публицист, а позднее депутат Государственной думы от «Союза русского народа»), настоятель Свято-Петропавловского кафедрального собора протоиерей М. Смирнов, председатель правления коммерческого банка В.Э. Ромер, член губернского присутствия по земским и городским делам А.А. Петров и др.¹² Газета выступала как противовес «тому революционному направлению в известной части местного общества, которое поддерживалось и продолжает поддерживаться представителями местной прессы крайне левого направления». Очевидно, «огарческая» тема должна была продемонстрировать пагубность школьной политики правительства в целом, и в частности – бессилие «революционных» родительских комитетов в организации внешкольного надзора за детьми. Конечная цель такой критики состояла в том, чтобы добиться закрытия комитетов и расширения внешкольных надзорных функций учебной администрации и полиции.

Но вне зависимости от намерений редакции публикация вызвала в городе шок. В полемику вступил оппонировавший «Орловской речи» либеральный «Орловский вестник». Выступавшие на страницах этой газеты учащиеся признавали пьянство и повышенный интерес к «вопросам пола» в молодежной среде, но категорически отрицали существование в Орле такого рода организации¹³. Между тем слухи продолжали распространяться и обрастать пикантными подробностями (в том числе, о будто бы скрываемых врачами фактах «разрешения от бремени» нескольких гимназисток).

Заметка в «Орловской речи» и последующее ее обсуждение не остались незамеченными – о них сообщили своим читателям «Московские ведомости», «Голос Москвы», «Вече», «Новое время», а затем и провинциальные газеты и журналы. К обсуждению темы присоединились и педагогические издания – еженедельная газета «Жизнь и школа», журналы «Русская школа» и «Вестник воспитания». Отклики поступали не только в редакции, но и в «управляющие инстанции». Здесь примечательно письмо попечителю Московского учебного округа А.М. Жданову бывшего профессора Московского университета Н.Н. Любавина. «Возмутительное и грязное дело, требующее незамедлительного расследования... – писал он о статье “Орловские огарки” в “Московских ведомостях”. – Без сомнения, это зло является следствием нашего дикого времени. Но это еще не дает право смотреть на него сквозь пальцы и не принимать никаких мер для предохранения детей от растления»¹⁴.

Для идеологов всевозможных монархических организаций орловское «происшествие» служило доказательством морального разложения юношества, пагубности идей «всесловности» образования и демократизации школы. Так, по мнению М.О. Меньшикова, именно бессловная школа есть главный очаг революции, ибо она «нигилизирует умы, поджигает их к бунту». В статье «Словный строй» он утверждал, что дети из семей разных профессий и разных культур, собираясь вместе, портят друг друга и расстраивают себя психически. Они чуть не с приготовительного класса теряют веру, «начинают дичать, ругаться скверными словами, драться, проделывать невероятные пакости друг с другом, бороться с гимназическими стенами и партами, с начальством, с прохожими на улице, с родителями дома». В результате, по словам публициста, «в глухих городах провинции образовались из гимназистов и гимназисток союзы разврата, “общества огарков”», «учащиеся мальчики и девочки занимаются свальным грехом, берут целыми компаниями номера в банях и пр., пр.». «“Огарки”, – заключал он, – характерное название для догорающего несчастного поколения, которое вот-вот погаснет»¹⁵. Активист «Русского собрания» Н. Шипов изображал среднюю школу источником алкоголизма. В брошюре «Алкоголизм и революция» он заявлял: «Пьянство и разврат сделали в последние годы особенно сильные успехи в средней школе, что видно хотя бы по возникновению во многих местах России тайных обществ под названием “Огарки”. Члены этих обществ состоят из учащейся молодежи в средних учебных заведениях обоих полов; по вечерам, при свете огарков, они собираются вместе, пьют, курят, а в конце огарки гаснут, и они в темноте “возстанавливают плоть”». Автор прямо ссылаясь на «Голос Москвы», где сообщалось, что в Орле в 1906 г. «было более шестидесяти беременных учениц»¹⁶. Оценки педагогической прессы были более сдержаны

и далеки от огульных обвинений в адрес молодежи. В ней превалировало стремление выяснить социальные, возрастные и психологические причины происшедшего и определить пути преодоления того нравственного кризиса, в котором оказалось учащееся юношество¹⁷.

Всероссийская известность «огарков» привлекла к ним внимание местной администрации и начальства учебных заведений¹⁸. При этом их оценки «огарческой» истории весьма отличались от мнений «Орловской речи» и большинства газет. Уже в начале апреля 1907 г. директор Орловской 1-й мужской гимназии О.А. Петрученко на основании «опроса всех учащихся старших классов» сообщал попечителю Московского учебного округа о том, что в Орле нет ни организованного сообщества, носящего название «Огарки», ни общества «Пива и воли» (к аналогичному результату пришел и производивший «параллельное расследование» родительский комитет). Некоторые учащиеся «самодеятельно собираются в разных местах для того, чтобы пить пиво и водку», однако пьянство процветало «в известных слоях учащихся» и до 1905 г. при прежнем строгом режиме школы. Сами учащиеся объясняли свое пьянство «политическим состоянием нашего отечества», а вошедшее в обиход именование участников попок «огарками» – выдумкой кого-то из собутыльников, «с легкой руки Скитальца»¹⁹.

По мнению Петрученко, истоки «ослабления» дисциплины среди гимназистов следовало искать в событиях 1905 г., когда «освободительная волна докатилась до стен средних учебных заведений» и общество приняло горячее участие в движении учащихся. Именно тогда родители, «отуманенные политическим угаром», восстали против «полицейского надзора» в гимназиях и пожелали «внешкольный надзор за учащимися взять на себя». В результате учащиеся вели себя на улицах и в общественных собраниях «безобразно», чему «много содействовала отмена ношения форменного платья». Однако уже в 1906/07 учебном году поведение орловских гимназистов значительно улучшилось, и было «не хуже, чем поведение учащихся в других городах». Главным «возмутителем» спокойствия директор гимназии считал члена «Союза законности и порядка» и редактора-издателя «Орловской речи» В.В. Кудрявцева, человека необразованного и решившего дискредитировать родительские комитеты. Сочувствуя стремлению редактора «к установлению строгой дисциплины», Петрученко заявлял, что не может все же «одобрить и содействовать его попытке из мухи сделать слона»²⁰.

Со своей стороны, директор Орловского реального училища А.Ф. Бердников не отрицал существование в городе тайного общества «Огарки», получившего известность лишь благодаря полемике двух «крайних листов»: газет «Орловская речь» и «Орловский вестник». Но и по его мнению история была сильно раздута: «Общество состояло из менее, чем двух десятков учащихся. Фамилии учеников известны полиции и родителям, но держатся в строгой тайне, полиция молчит по внушению свыше, а родители – по весьма понятным причинам». Впрочем, далее Бердников признавал, что имеет лишь «неопределенные» сведения и даже учащиеся старших классов, «известные своим радикальным направлением», только из газет узнали о существовании общества. Причиной же возникновения такого «уродливого явления» он считал «ненормальные условия современной общественной жизни», «сближение учащихся обоего пола» во время сходов 1905–1906 гг., распространение брошюр и театральных пьес «слишком нескромного содержания», устройство родителями танцевальных благотворительных вечеров, где учащиеся употребляют спиртные напитки²¹.

Наиболее обстоятельно подошел к рассмотрению скандального «дела» орловский губернатор С.С. Андреевский. 24 августа 1907 г. он доносил в МВД о том, что с начала марта по городу стали ходить слухи о тайном обществе «Огарки», скоро проникшие в печать. Именно эти публикации превратили в сознании обывателей вчерашние слухи в факты, «не имевшие, однако, более прочных оснований, чем те, на которых выросли слухи»²². Молва открыто называла среди участников кутежей воспитанниц женских гимназий, гимназистов, офицеров Черниговского и Можайского полков; указывались даже конкретные места встреч. В этой связи губернатор поручил полиции установить за известными домами и гостиницами «самое строгое наблюдение», но оно

«ни к чему не привело». Одновременно негласное дознание было проведено среди учащейся молодежи. И если гимназисты и реалисты отвергли существование общества, то «некоторые» воспитанники местной духовной семинарии не только подтвердили сам факт, но и сообщили подробности. По их сведениям, в «Огарках» насчитывалось до 50 участников, «из коих: 6 гимназисток Аблецовской гимназии, 4 – Гиттерман, до 12 – Николаевской, 4 офицера, 10 семинаристов, до 12 гимназистов и реалистов и даже 2 городских». Семинаристы живописали сцены попок, переходящих в оргию: «Все собираются в особую комнату, устланную соломой, и там при свете огарка начинают пить пиво и водку», а когда огарок догорит, «вступают в половую связь». Такие описания, считал губернатор, не столько подтверждали деятельность общества «огарков», сколько характеризовали «порнографическое воображение» их авторов. Не более достоверны были и слухи о переполненном гимназистками родильном приюте и повальном заражении учащихся сифилисом после «огарческих вечеров». Андреевский ссылался на официальную позицию местного общества врачей, выразившего протест по поводу «лживых заявлений» и авторитетно удостоверившего, «что ничего подобного нет в действительности». Обобщив собранные сведения, губернатор пришел к «положительному убеждению», что существование общества «Огарки» есть чистейший вымысел, и нет оснований утверждать, будто оно было организовано и «хотя бы краткое время проявляло свою деятельность в Орле». Разговоры же о нем основывались лишь «на разнице во внешнем поведении учащихся, которая обнаружилась после отмены внешкольного надзора». Сравнительно быстрое «успокоение» орловского общества и прекращение разговоров об «огарках» также служило доказательством «необоснованности пущенных слухов». Кстати, «Орловская речь» в дальнейшем не настаивала на достоверности опубликованной в ней информации.

Для губернатора было важно, что к аналогичному выводу пришли и родительские комитеты, а в гимназии Аблецовой родители даже постановили привлечь редактора «Орловской речи» к ответственности за клевету. Подтвердили отсутствие «огарческой фракции» и «заслуживавшие доверие» выпускники орловских школ. Они по-своему объясняли как слухи об обществе, так и происхождение его названия, рассказывая, что во время пирушки один из участников застолья назвал другого «огарком», и тогда другой, находясь под впечатлением рассказа Скитальца, сказал: «Все мы здесь собравшиеся “огарки”». После этого название «стало ходить по городу»²³. Примечательно, что мнение «заслуживавших доверия» учеников косвенно поддержали и «неблагонадежные» из «Орловской социал-демократической организации учащихся». Авторы изданной от ее имени в 1907 г. первомайской листовки, характеризуют общественные настроения школьной молодежи, ограничились лишь намеком на «огарческую» тему: «Один не выдержал напряжения и усталый добровольно ушел с поля битвы; другому пришлось уйти поневоле, третий разочаровался и занялся своими обывательскими интересами... Были и хуже результаты. Старая Россия, умирая, наполнила атмосферу затхлым запахом продуктов разложения»²⁴. Едва ли юные революционеры не обрушились бы с критикой на прожигавших жизнь сверстников, располагая конкретными фактами о деятельности «огарческой фракции».

Таким образом, и орловские педагоги, и губернатор отвергли существование в городе общества «Огарки», считая поднятый прессой шум результатом недобросовестных политических спекуляций или обычной газетной погоней за сенсациями. Но можно ли считать их мнение объективным? Не преобладало ли в нем желание чиновников успокоить высшие инстанции, представив благополучным положение вверенных им учреждений и территорий. В этом их вряд ли возможно заподозрить. Они были достаточно критичны в оценке нравственного состояния учащихся, признавали порочность поступков некоторых из них, открыто указывали на тесную взаимосвязь поведения учащихся и политической ситуации в стране, отмечали наличие «радикальных» настроений в юношеской среде и провокационную роль «Орловской речи» в «огарческой» истории. Ранее, в 1905–1906 гг., как директора учебных заведений, так и губернская администрация весьма обстоятельно сообщали обо всех происшествиях в гимназиях

и реальных училищах (о массовых нарушениях дисциплинарного режима, забастовках и демонстрациях учащихся, родительских и ученических собраниях, распространении нелегальных изданий, деятельности подпольных кружков). Сомнительно, чтобы в данном случае, получившем столь широкую огласку, местное начальство решилось на сокрытие «неприятных» фактов или приукрашивание реального положения дел.

Схожим образом развивался и «огарческий» скандал в Перми²⁵. Поводом здесь послужили мартовские публикации в газетах «Новое время» и «Пермские ведомости» о появлении в городе общества «Огарки». Департамент полиции предложил пермскому губернатору А.В. Болотову провести расследование. Выяснением обстоятельств дела занялось Пермское охранное отделение. Имя автора петербургской заметки было быстро установлено, им оказался журналист В.С. Мутных, издававший в 1906–1907 гг. в Екатеринбурге сатирический журнал «Гном». По отзыву губернатора, он был «человеком нетрезвого образа жизни», не пользующимся доверием, «ввиду шаткого или полного отсутствия у него каких-либо убеждений»²⁶. Его заметка в «Новом времени» сообщала о присутствии в городе «взрослых огарков», развращающих школьную молодежь, а статья «Огарочная опасность», напечатанная в «Пермских ведомостях», содержала уже описание происходивших якобы на ученических квартирах оргий. Заподозрив данное сообщество в политической деятельности, охранное отделение весьма оперативно установило имена каждого из упомянутых в «Новом времени» лиц и пришло к выводу, что опасности для власти они не представляют. Зато при обысках ученических квартир полиция обнаружила доказательства нелегальной политической деятельности их обитателей (прокламации и брошюры, воззвания, программы революционных партий, номера самодельного журнала и т.п.), что стало основанием для передачи «дела» в ведение Пермского губернского жандармского управления. Признаков же разыскиваемого тайного «общества разврата» было крайне мало: список женских имен, журнальные публикации, частное письмо с упоминанием об «огарках», а также «пять обожженных восковых свеч». Исходя из полученных данных, Пермское охранное отделение полагало, что «школьное общество «Огарки» в г. Перми... только еще начало возникать, никакой конспиративной квартиры у него не имеется». Все это позволило губернатору сделать вывод, что помещенная в газете «Новое время» корреспонденция «близка к правдивости лишь в той части, где говорится о распущенности учащихся средних учебных заведений г. Перми». В подтверждение этого он сослался на «несколько случаев беременности гимназисток» (на что им «было обращено внимание начальницы Мариинской гимназии») ²⁷.

Между тем Пермь была обеспокоена и слухами об «огарках», и газетными публикациями, и волной обысков (они прошли в апреле на квартирах 18 учащихся). Весьма встревожены были и педагоги. Начальница частной мужской гимназии О. Циммерман 15 апреля писала гр. Л.Н. Толстому об образовании в городе общества, призывающего молодежь к «половой разнузданности и пьянству» и просила «написать что-нибудь назидательное для бедной молодежи»²⁸. Свое отношение к происходящему высказали и «сознательные» учащиеся, которые на страницах рукописного журнала «Наши думы» решительно опровергли слухи о существовании в Перми общества «Огарки». Появившуюся листовку, призывавшую к вступлению во фракцию «Огарки», они связывали с мошенничеством одного семинариста, желавшего под видом членских взносов собрать деньги на выпивку.

Слухи об «Огарках» будоражили не только жителей Орла и Перми. В 1907–1908 гг. близкие по содержанию статьи появились в ряде газет Минска, Полтавы, Киева. В них сообщалось о деятельности организаций, подобных «Огаркам», не только в этих городах, но и в Екатеринославе, Саратове, Вятке. По наблюдению О. Буле, местные публикации были стереотипны, включали сходные детали, а их авторы, добиваясь правдоподобности, прибегали к намекам и ссылкам на якобы достоверные источники, которые нельзя указать, ввиду деликатности темы²⁹. В результате, в обществе формировалось устойчивое мнение о нравственном разложении молодежи и моральной катастрофе, ожидающей страну в будущем. «Учиться перестали и занялись игрою в революцию,

а когда она ослабела, перешли к распутству, пьянству и разврату», – писал 19 июня 1908 г. министр народного просвещения А.Н. Шварц П.А. Столыпину³⁰.

Однако к исходу 1908 г. материалы об «огарках» постепенно сошли со страниц газет. Скорее всего, лишенная уже сенсационности и притока новых скандальных сюжетов тема утратила привлекательность для редакций. Свою роль сыграли и разъяснения министра народного просвещения, и попечителей учебных округов. Так, Жданов опубликовал в еженедельнике «Жизнь и школа» заявление, в котором говорилось, что «эти слухи возникли вследствие учащения в последние три года товарищеских пирушек молодежи, ныне, впрочем, значительно сократившихся»³¹.

Будучи официально опровергнутыми, толки об «огарческих» организациях продолжали оставаться в потрясенном сознании современников, время от времени напоминая о себе. Спустя 5 лет, в 1912 г., архимандрит Трифон, призывая читателей религиозного журнала «Русский инок» остерегаться «духовной прелести», приводил в пример «печального явления прелести» взгляды Л.Н. Толстого и... поведение учащегося юношества. Толстой, утверждал он, «обольщенный литературными успехами, дерзнул отрицать Церковь», учение же его – «ложь и пагуба; ибо направлено против религии и против правительства». Молодежь «также уловлена в прелесть, были общества “огарки”, “лови момент” – и даже общество “ближе к смерти”, члены которого заранее обрекали себя на смерть – самоубийство»³². Писатель М.А. Осоргин, окончивший в 1897 г. Пермскую гимназию, в 1942 г. в автобиографическом повествовании «Времена» упоминает о своих впечатлениях от «невеселых писем», приходивших с Родины в первые годы его революционной эмиграции (1906–1916 гг.): «Это было время “огарков”, когда молодежь в России, отойдя от революции, бросилась прожигать жизнь в пьяном наркотическом угаре, в половых опытах, в кружках самоубийц»³³. Известный педагог-краевед А.Ф. Родин в изданных в середине 1960-х гг. мемуарах, характеризуя облик юношества 1907–1908 гг., вспоминал, как молодежь «гнала за острыми ощущениями» и порою организовывала кружки, «которые получили название “огарки”»³⁴.

Так существовали ли орловские, пермские, полтавские и другие фракции «Огарков» в действительности или они являются легендой, плодом воображения ряда авторов, принявших устрашающие слухи за действительность и отразивших тем самым общественную озабоченность вольным поведением учащихся средних школ после 1905 г.? Следует учесть, что сведения о существовании «обществ разврата» поступали исключительно из губернских городов, а Петербург, Москва и уездные центры как бы «выпадали» из перечня³⁵. И если отсутствие в числе «героев» учащихся из уездных школ может быть объяснено малоподвижностью провинциального быта, то в Петербурге и Москве с их миллионным населением все социальные изменения (в том числе и в молодежной среде) носили опережающий характер. Представляется маловероятным, чтобы нравы учащихся обеих столиц тяготели к традиционализму и характеризовались большей благопристойностью, трезвостью и целомудрием, чем их сверстников в «глубинке». Да и сама провинция рубежа XIX – XX вв. была склонна скорее к копированию столичных образцов, чем к пересмотру поведенческих стереотипов и демонстрации новаций в весьма консервативной сфере межличностных отношений. Поэтому отсутствие «огарческих» обществ в Москве и Петербурге (а таковых, с учетом количества школ, здесь могло быть несколько) само по себе уже позволяет сомневаться в достоверности приходившей с периферии скандальной информации, к тому же основанной исключительно на слухах. Отношение губернского общества, особенно консервативной его части, к реальным негативным чертам поведения учащихся (грубости, пьянству и т.д.) было намного болезненнее, чем в столицах. Этому способствовали и устоявшийся быт таких городов, и понимание школы как места образцовой дисциплины, и явная заметность учеников в форменной одежде среди относительно небольшой массы местных обывателей. Эта специфическая реакция неизбежно порождала коллективные страхи, вплоть до фобий, за судьбу «погибающей молодежи», что являлось питательной почвой для появления всевозможных мифологем.

Устройство притонов явилось бы для учащихся на периферии весьма сложным предприятием. Безопасных мест для сборищ было весьма немногo. Квартиры родителей и родственников для этих целей явно не подходили, а иногородним ученикам комнаты сдавались обычно с питанием («столом») и предполагали проживание рядом взрослых – хозяев, кухарок, истопников и др. Более того, ученические квартиры рекомендовались школьной администрацией родителям приезжих и постоянно проверялись инспекторами и классными наставниками (с записями посещений в особом журнале). Схожие проблемы стояли, кстати, и перед нелегальными политическими и образовательными кружками учащихся. Воспоминания об их деятельности изобилуют описаниями тайных собраний, проводившихся в собственных или ученических квартирах под предлогом вечеринок, дружеских пирушек, празднования дней рождений или совместного приготовления уроков. При этом часто появлялись те, кого юным конспираторам следовало опасаться: интересующиеся гостями родители, подозрительно настроенные квартирные хозяева, недоверчивые кухарки, любопытные соседи и т.п. Поэтому сомнительно, чтобы склонные к безудержному пьянству шумные и многочисленные разнополые (!) компании могли превратить ученическую квартиру в вертеп, не привлекая внимания окружающих и полиции. Организация же «дома свиданий» в комнатах, сдаваемых без санкции школ местными обывателями, требовала немалых затрат на наем помещения, закупку спиртных напитков и закусок и проч. На это обстоятельство обратил внимание начальник Пермского охрaнного отделения ротмистр Сизых. По его мнению, именно отсутствие средств служило главным препятствием к возникновению общества «огарков» в Перми, так как иногородние, составлявшие большинство учащихся, проживали на ученических и других квартирах и зачастую вели полугодное существование³⁶. И совсем уже неправдоподобно выгляди т путешествиевавшая по газетным страницам «особая комната, устланная соломой»³⁷.

В целом, необходимо отделять «огарки» как школьные сообщества от «огарчества», тревожившего взрослых явления юношеской среды начала XX в. И если можно с большой долей уверенности говорить о мифичности обществ-«огарков», то тема «огарчества», а точнее нравственного состояния молодого поколения Российской империи в последние годы ее существования, еще ждет своего вдумчивого и непредвзятого исследователя.

Примечания

¹ *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв. М., 1991; *его же.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999; *его же.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004.

² *Соколов В.И.* История молодежного движения России (СССР) со второй половины XIX до XXI вв. Рязань, 2002; *Рушанин В.Я.* Молодежное движение в России: региональный аспект (1861–1904). Челябинск, 1998; *Ищенко О.В.* Студенческая и учащаяся молодежь в общественном движении в Западной Сибири (июнь 1907 – февраль 1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000; *Мельцов В.М.* Учащаяся молодежь Чувашского края в конце XIX – начале XX веков: состав, жизненные приоритеты, парадигма духовных ценностей. Дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2002; *Егорова М.В.* Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX в. М., 2008; и др.

³ *Буле О.* Провинция и гимназия (об одном скандале в Перми) // Уральская новь. 2000. № 3(8); *его же.* «Из достаточно компетентного источника...»: Миф о лигах свободной любви в годы безвременья (1907–1917) // Новое литературное обозрение. 2002. № 57. С. 144–162. Примечательно, что, говоря о пермских событиях, автор весьма сдержан в выводах: «Вопрос о том, действительно ли существовали “огарки” в Перми, конечно, справедлив. Однако окончательный ответ на него невозможен. Из того факта, что их существование доказать не удалось, еще не следует, что они и не существовали».

⁴ *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1991. С. 43–44.

- ⁵ Ушаков А.В., Образцова О.А. Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX–XX вв. М., 1999. С. 61–62.
- ⁶ Этим объясняются многие факты расправ над учащимися, учиненных черносотенцами в 1905–1907 гг. Подробнее см.: *Знаменский С.* Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905–1906 гг. и их значение. СПб., 1909; *Роков Г.* Школьные волнения 1905 года // *Вестник воспитания.* 1905. № 9. I отд.; *Герц С.* Разгром средней школы и необходимость в ней коренных реформ. М., 1906; и др.
- ⁷ *Аграев Г.* Фракция «Огарков» // *Русская школа.* 1908. № 10.
- ⁸ *Константинов Н.А.* Очерки по истории средней школы. М., 1956. С. 106.
- ⁹ РГИА, ф. 733, оп. 166, д. 799, л. 167.
- ¹⁰ Орловская речь. 1907. № 64–69.
- ¹¹ Там же. № 70.
- ¹² Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1908 год. Орел, 1908. С. 50, 65, 90, 78, 110.
- ¹³ Орловская речь. 1907. № 72–74, 76, 79 и др. Подробнее о дискуссии в орловской прессе см.: *Буле О.* «Из достаточно компетентного источника...»... С. 152.
- ¹⁴ Московские ведомости. 1907. № 97; ЦИАМ, ф. 459, оп. 3, д. 5228, л. 14–15.
- ¹⁵ *Меньшиков М.О.* Сословный строй (1907 год. 12 августа) // *Письма к русской нации.* М., 1999.
- ¹⁶ *Шилов Н.* Алкоголизм и революция. Доклад читан в Русском собрании 23 ноября 1907 года. СПб., 1908.
- ¹⁷ *Роков Г.* Учение и поведение современной школьной молодежи // *Вестник воспитания.* 1907. № 3; *Аграев Г.* Указ. соч.; *Белозерский Н.* «Школьные огарки» // *Жизнь и школа.* 1907. № 12.
- ¹⁸ ЦИАМ, ф. 459, оп. 3, д. 5228; ГА РФ, ф. 102, IV делопроизводство, 1907, д. 162, т. 1.
- ¹⁹ ЦИАМ, ф. 459, оп. 3, д. 5228, л. 4, 7, 7 об. Скиталец – псевдоним писателя С.Г. Петрова.
- ²⁰ Там же, л. 7 об.–9 об.
- ²¹ Там же, л. 10–10 об.
- ²² ГА РФ, ф. 102, IV делопроизводство, 1907, д. 162, л. 1–1 об.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же, ф. 1741, оп. I, д. 20641.
- ²⁵ Подробнее см.: *Егорова М.В.* Указ. соч. С. 112–113; *Бушмаков А.В.* Дело «огарков» в Перми // *Ученые записки гуманитарного факультета.* Вып. VIII. Пермь, 2004. С. 135–139; *его же.* «Наши думы» или портрет пермского школяра начала XX века // *Литературная Пермь.* 2004. № 2. С. 295–298; *Буле О.* Указанные сочинения.
- ²⁶ ГА РФ, ф. 102, IV делопроизводство, 1907, д. 162, л. 9–9 об.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Буле О.* Провинция и гимназия...
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Цит. по: *Буле О.* «Из достаточно компетентного источника...»... С. 162.
- ³¹ *Жизнь и школа.* 1908. 21 января.
- ³² *Русский иннок.* 1912. № 19. Октябрь.
- ³³ *Осоргин М.А.* *Времена* // *Осоргин М.А.* *Времена: Автобиографическое повествование.* Романы. М., 1989. С. 95.
- ³⁴ *Родин А.Ф.* Из минувшего. М., 1965. С. 36.
- ³⁵ Информация о будто бы возникшем в Петербурге сообществе «Лови момент», приведенная в ноябре 1907 г. в московской газете «Вечер», к скандалу не привела и подтверждения не получила.
- ³⁶ *Бушмаков А.В.* Дело «огарков» в Перми. С. 138.
- ³⁷ ГА РФ, ф. 102, IV делопроизводство, 1907, д. 162, л. 2.